

А.И. Салицкий

ИМЭМО РАН

В.В. Тацкий

СПб. товарно-сырьевая биржа

Истоки подъёма Китая и цивилизационный дискурс

1. От идей к практике

В мае 2014 года правительство КНР приняла довольно необычное решение. В рамках Госкомитета по развитию и реформам и под председательством главы этого мощного органа экономического управления создан межведомственный механизм для проведения *реформы по перераспределению доходов*¹. Производя по-капиталистически, Китай ставит цель сокращения разрывов в доходах населения. Коэффициент Джини в этой стране в январе 2013 года составил 0,474, что примерно соответствует среднемировому уровню.

Это решение заставляет ещё раз вернуться к вопросу об истоках экономического подъёма Китая, вот уже более трети века выделяющего эту страну на общем невесёлом фоне. Заметим, что прошедшие годы были периодом постепенного, но не вполне линейного открытия этой страны внешнему миру, которое с неизбежностью расширяло сферу «работы в Китае» универсального (коммерческого, технологического, образовательного). Это открытие в совокупности с критическим и творческим *ленинизмом* Дэн Сяопина, *воплощённым в политическую практику* и стало главной, а возможно, и единственной причиной хозяйственных достижений КНР.

Всё остальное – китайская специфика, конфуцианство, национальная идея, китайский мир – является скорее *декорацией* подъёма. На возможностях использования такого построения Китаем (и не только им) в наступившем новом мире мы остановимся ниже.

© Салицкий А.И., Тацкий В.В., 2014

Материализм Дэн Сяопина

Хозяйственный подъём Китая, который продолжается больше трети века, привычно связывают с именем Дэн Сяопина. Между тем сам китайский руководитель своеобразно оценивал свои хозяйственные познания. Хорошо известно его высказывание: «В экономических проблемах я профан». Как бы иронизируя над современными и будущими биографами, включающими Дэн Сяопина в число ведущих экономистов-теоретиков XX века, патриарх китайских реформ хотел, вероятно, подчеркнуть, что его понимание хозяйства в большей мере опиралось на жизненные наблюдения, чем кабинетные схемы.

В этом пункте Дэн Сяопин принципиально расходится с «советско-гарвардским» идеализмом, если пользоваться термином Н. Талеба (его можно уточнить на «суловско-гарвардский»), и его пошлой разновидностью в виде того, что коротко назовём «гайдаризмом». Его идеологи долгое время утомляли нас «новым политическим мышлением», «рыночным и демократическим транзитом», «институтами гражданского общества» и прочей неконкретностью, наивно или корыстно пересаживая на нашу почву *умозрительные модели* западного общества. В Китае такой подход называют слепым копированием.

Уходя корнями в крестьянское миропонимание, китайская реформа конца 1970-х годов фундаментально отличалась от гайдаризма бережным отношением к национальному хозяйству. И Дэн Сяопину и его соратнику Чэнь Юню (действительному архитектору китайских экономических реформ) показалась бы дикой мысль «завести безработицу» или признать «нереформируемыми» целые отрасли общественного производства. Дело не только в остроте проблемы занятости в Китае. Суть – в рациональном взгляде на людей и вещи. Он вполне допускает сосуществование разных по эффективности, производительности и новизне предприятий в течение длительного времени. Ведь всё это – *производительные силы*, а их подъём в интересах умножения богатств населения и государства – единственная и главная цель экономической науки в государствах, отставших от лидеров мирового рынка и соседей.

Ясное различие целей и средств – последними в развитии хозяйства являются и план, и рынок, и отношения собственности, и внешние рынки, и сами экономические теории – существо подхода к делу. Не являются самоцелью и реформы. На протяжении двух последних десятилетий жизни Дэн Сяопина аналитики не раз отмечали остановки и попятные движения в ходе хозяйственных и политических преобразований в КНР. Нередко их относили на счёт фракционной борьбы в китайском руководстве. Парадоксальным образом Дэн Сяопин представлял перед публикой то как «консерватор»,

то как «реформатор». В действительности же он, как нам кажется, просто умел рисковать и признавать собственные ошибки, а в хозяйственной стратегии – находить оптимальные для Китая пропорции между старым и новым.

Считать Дэн Сяопина только реформатором было бы неточным. Существует, между прочим, точка зрения, согласно которой собственно реформы закончились в Китае в 1980-е годы. То, что происходило в 1990-е годы и начале нынешнего века, – это их результат: устойчивый динамичный рост, в некоторых чертах напоминающий подъём Японии и Южной Кореи, где данная фаза никогда не квалифицировалась как «реформа».

Ещё менее справедливо относить китайского лидера к «консерваторам». Он просто хорошо понимал цену прочного государства, помня по годам революционной молодости, как Китай «превратился в грудку песка». Строя такое государство, нельзя забывать о предшественниках. Дважды смещавшийся со своих постов Мао Цзэдуном, Дэн Сяопин никогда не пытался подорвать авторитет Председателя. Из идей «эпохи суровой борьбы» удавалось извлекать пользу для «эпохи мира и развития», не вызывая чрезмерных трений между слоями и поколениями в обществе. «Не спорить – вот мое открытие, – подчёркивал Дэн Сяопин, – отказ от споров сберегает время на дело».

Отвергая возможность пересадки на китайскую почву идей западной демократии, *«вызывающей ненужные споры и излишние хлопоты»*, Дэн Сяопин не цеплялся за формальные посты в государстве и партии. Он, скорее, предвидел огромную сложность создания подлинно демократического государства в полуграмотной стране и, будучи реальным политиком, предпочёл оставить своим потомкам фундамент для его строительства.

Исследователи роли Дэн Сяопина в подъёме Китая отмечают прежде всего его политический талант, который в полной мере проявился во внутригосударственной деятельности.

Но, пожалуй, ещё восхитительнее были внешнеполитические достижения Дэн Сяопина. Из полуизолированной, казалось, надолго отставшей страны Китай превратился в мировую державу, чьё растущее влияние на международной арене вызывает теперь у многих уважение, а у кого-то – раздражение. Редкое государство не мечтает об особых отношениях с Пекином.

Нам ещё далеко не всё известно о том, как принимались в КНР решения по международным проблемам, чем руководствовался Дэн Сяопин в своих манёврах между тогдашними сверхдержавами, в отношениях с другими странами и международными организациями. Рискнём предположить, что лидеру с пятидесятилетним опытом внутрипартийной работы и борьбы многие внешнеполитические вопросы

не представлялись особенно сложными, а ряд западных и восточных политиков вызывали у Дэн Сяопина лукавую внутреннюю усмешку.

Примечательно сделанное им в сентябре 1989 года наблюдение: «Сейчас проблема не в том, упадёт или нет знамя Советского Союза, – смута в СССР будет обязательно, – а в том, упадёт или нет знамя Китая». Знамя Китая не упало...

Для политика самое важное – последовательное достижение поставленных целей, передача незавершённых работ и инструментов их выполнения ответственным преемникам. Одним из заветных желаний Дэн Сяопина было дожить до восстановления суверенитета Китая над Гонконгом. Увы, почтенному государственному деятелю не суждено было увидеть пышных церемоний 1 июля 1997 года. Но вряд ли он сомневался в успехе *политики*, начатой в 1982 году жёстким разговором с «железной леди» – Маргарет Тэтчер, от которой до сих пор млеют российские западники. Приращение богатств Китая Гонконгом, став одним из центральных событий 1997 года², было достойным венцом тщательной и цепкой работы. Вести её приходилось в далеко не дружественной атмосфере взаимодействия с одной из сильнейших дипломатий мира.

Замечу, что славословия в адрес китайских реформаторов нередко затуманивают действительную картину хозяйственных успехов Китая. Рассуждения по поводу гениальности «теории» кошки, или «теории» нащупывания камней (то и другое просто *поговорки*), обильно представленные в нашей прессе и научных изданиях, с головой выдают извечный российский идеализм, принимающий в другом своём проявлении (гайдаризме) ещё и абсурдную форму поклонения *прагматичному* Западу.

Суть совершённого Дэн Сяопином можно коротко охарактеризовать как возвращение – от «вдохновляющих» идей Мао Цзэдуна – к марксистскому положению о практике как критерии истины. Теперь уже не Китай должен был соответствовать идеям, а идеи – Китаю³.

Продуктивной для понимания социологии подъёма Китая представляется мысль, высказанная А.В. Меликсетовым. Известный китаевед-историк считал неверным представление, что в КНР «начали с экономики». По его мнению, в конце 70-х годов в этой стране произошёл прежде всего политический поворот (и даже *переворот*)⁴, связанный с возвращением из деревенской ссылки (*сясян*) к работе и власти примерно 20 млн. горожан. По-видимому, мировоззрение и энергия этих людей сыграли немалую роль в хозяйственных преобразованиях, дальнейших корректировках политического курса. Заметим, что из 26 нынешних членов политбюро ЦК КПК опыт *сясян* имеют 11 человек.

Заметим здесь и ещё один важный момент. Дэн Сяопин как-то отозвался о крестьянстве как классе, лишнем для модернизации. Это представление многое объясняет в ходе китайских реформ, отношениях «скал» мощного современного госсектора с рыночным «морем». Объяснимой становится и неизменно «начальная» стадия китайского социализма (сравним с суловским «развитым социализмом»).

При этом один из секретов успехов Пекина заключается как раз в исконном – крестьянском – взгляде на экономическое развитие как на процесс, нуждающийся в планировании и расчёте, последовательности⁵, относительной стабильности цен, коллективном подходе к решению крупных проблем, в том числе предупреждению катастроф и борьбе с их последствиями⁶.

И наконец, ещё один важный пункт. В Китае законодательство шло за практикой: государство не сразу одобряло разные начинания, нередко предваряя разрешительные декреты словом «временный» и лишь по прошествии времени фиксируя полезные правовые нормы. В гайдаризме всё наоборот – торопливо принимаются «вечные законы», необходимые уточнения которых годами валяются у законодателя.

Своё, чужое и новое

На Западе, в позднем СССР и новой России явно недооценили степень научной разработанности взаимосвязанного комплекса – *стратегии, политики и практики* в КНР, в том числе вопросов координации мирохозяйственного курса с экономической стратегией и внешней политикой. Заодно были упущены на вид незамысловатые достижения китайской *инвентаризации* зарубежной социологии, политических и экономических наук⁷.

Западная риторика о глобализации, подхваченная гайдаризмом, и послужившая, как писал И. Валлерстайн (2001), одной из внешних причин развала социалистического лагеря в Европе и распада СССР, гораздо раньше, с самого начала реформ в конце 1970-х годов, потребовала от Китая выработки соответствующих инструментов противодействия деструктивному влиянию извне. Поэтому страна оказалась более подготовленной к событиям 1990-х годов и с честью вышла из многочисленных испытаний.

В глобализации в Китае с самого начала различали *угрозы и возможности*. С одной стороны, она воспринималась как «мировая экономическая война, от которой никуда не денешься», с другой – как «взаимодействие, в котором выгоду получают обе стороны». От *адаптации* к мировому хозяйству страны постепенно продвигалась к его *освоению* – в противоположность «интеграции в мировую экономику» в гайдаризме, разрушившей российскую обрабатывающую промышленность.

Неизменно протекционистский Китай, лишь разогнав экспортный сектор и убедившись в своей способности противостоять кризисам, вступил в ВТО (2001) и, помимо прочего, не преминул зафиксировать в документах о вступлении свой социалистический статус. При этом Пекин продолжил селективную политику в отношении прибывавшего в страну иностранного капитала, особенно строго контролируя портфельные вложения⁸. С отменой льгот (2007) зарубежный капитал на внутреннем рынке уже тесним заматеревшим национальным частником.

О подвигах гайдаризма на внешнеэкономической ниве лучше умолчим: о них достаточно красноречиво говорят нынешняя структура нашей внешней торговли и масштабы вывоза денег из страны при осточертевшей болтовне об инвестиционном климате.

Вернёмся к Китаю. Теперь, когда глобализация, похоже, завершилась – инфраструктура глобального мира в основном построена – КНР, пользуясь этой инфраструктурой, стала крупным экспортёром избыточного внутри страны капитала. Он нередко сталкивается за рубежом с явной дискриминацией, и уже Китай перехватывает у Запада риторику о свободе торговли, несколько лицемерно сетуя на рост протекционизма в современном мире.

Не менее лицемерны демонстративные шаги Пекина в части уважения прав интеллектуальной собственности. «Самое хорошее на рынке не продают, его можно только украсть или придумать самим», – имплицитное и давнее кредо политики страны в области приобретения зарубежных технологий. Оно, собственно говоря, не ново – так поступали все страны. Но к услугам Пекина была ещё и огромная зарубежная диаспора, и превосходно поставленная работа по промышленному шпионажу, дополненная в новом веке чуть ли не дивизией хакеров. Недаром Ф. Закария как-то грустно пошутил, что в США есть только два вида корпораций: знающие, что их обчистили китайцы и пока не знающие об этом.

Китайский случай интересен и в другом отношении. Масштабы китайского хозяйства таковы, что распространение заимствований по всей экономической системе (в основном по госсектору) часто оказывалось гораздо эффективней, чем самостоятельная генерация новаций. Технологии среднего уровня, или то, что когда-то называли подходящей (appropriate) техникой сыграли незаменимую роль в промышленном подъёме Китая в XX веке, развитии сельской мануфактуры и решении, казалось бы, невозможной задачи трудоустройства населения, а также повышении его технической грамотности. Заметим, что вплоть до самого последнего времени число учащихся средних специальных заведений в КНР превышало поголовье студентов вузов.

Сказанное отнюдь не означает, что китайцы мало способны к новациям. Страна теперь на втором месте в мире по вложениям в НИОКР и её постиндустриальный рывок не за горами. Для такого рывка, кстати, есть и некоторые политэкономические условия, помимо упомянутой выше диаспоры, армии студентов и исследователей за рубежом и т.п.

Как известно, одной из причин замедления экономического роста в развитых странах начиная с 70-х годов прошлого века явились процессы монополизации и транснационализации. Многоотраслевые национальные концерны, внесшие в послевоенный период большой вклад в научно-технический прогресс, уступали место относительно узко специализированным ТНК. Экстенсивный захват внешних рынков, вывод из состава компаний «непрофильных» активов (аутсорсинг) и сокращение издержек за счёт выноса производства за рубеж теснили в корпоративных стратегиях интенсивные методы борьбы за рынок, в том числе разработку принципиально новых продуктов. В Китае же государственные (акционерные) межотраслевые концерны, тесно связанные с исследовательскими организациями, остаются и двигателями национальной экономики, и агентами внешней экспансии. Эта организационная форма, похоже, способнее к новациям.

Но у неё в Китае есть ещё одно преимущество: гигантский внутренний рынок – даже если считать таковым только городское население⁹. Эффект масштаба по этой причине даёт потенциальным новаторам немалые преимущества по сравнению с другими странами. Не меньшее значение имеет и тот простой факт, что КНР имеет практически полноотраслевую промышленность¹⁰.

Важной чертой хозяйственного подъёма выступает его наглядность (народность) и доступность нащупанных полезных технологий, позволяющая распространять всё ценное (своё и чужое) с необыкновенной скоростью и на громадную глубину крупнейшей страны мира¹¹.

Забавный пример – усовершенствованная стиральная машина, получившая название «Дадиуга» (Большой батат), с успехом предложенная богатеющим крестьянам в 1998 г. фирмой «Хайэр». Агрегат не только стирал сильно загрязнённую одежду, но и мыл овощи. Такую операцию, как выяснили ремонтники фирмы (скорректировав впоследствии производство), сельские покупатели производили и на старых, ещё не усиленных конструкционно для этой функции, моделях.

Между прочим, по одному из опросов, проведённых в Британии, главным изобретением человечества в XX веке был признан не самолёт, не спутник, не компьютер и даже не реактор. А как раз стиральная машина.

Находясь где-то в середине списка государств, выстроенных по критерию дохода на душу населения, КНР демонстрирует обитателям

планеты способ работы на скромных и, подчеркнём, преимущественно собственных ресурсах (в отличие от ряда бывших лидеров). Отрыв от Китая другим не кажется непреодолимым, его опыт не навязывается отстающим.

Наоборот, китайский опыт со всей очевидностью свидетельствует о важности поиска собственного пути. Не случайно, выражение «специфически китайский» неизменно сопровождает все фундаментальные формулировки, которыми в КНР определяют положение страны и её политику.

Подчеркнём: самобытность не исключает, а предполагает творческое использование чужого опыта. Китай чисто математически – как раз наименее уникальная страна, поскольку его огромная масса и разнообразие внутренних условий не позволяют быть чересчур специфичным. Успехов бы не было без правильного понимания **общих** истин и закономерностей. Опыт страны с гигантским разнообразием хозяйственных условий, решившей задачу совмещения рынка и социализма, таким образом, имеет и некоторое универсальное значение.

И вместе с тем суть китайских реформ может быть сведена к решительному отказу от всякого рода унификаций. В Китае вскармливали новое или хорошо забытое старое (индивидуальное, семейное, частное, смешанное, зарубежное, комбинированное¹²) в междурядье общественного. Государство же взяло на себя роль арбитра и регулятора – с немалыми издержками в виде коррупции, но коррупции, способствующей экономическому росту.

Госсектор при этом сохраняет контроль над командными высотами в хозяйстве, берёт на себя решение долгосрочных задач – инфраструктура, НТП, оборона, защита от внешних угроз, включая экономические кризисы. Нагрузка на государство растёт, ему приходится амортизировать социальные и региональные разрывы, принимать на себя тяжелейший груз экологических проблем. Но всё это уже больше напоминает то самое социальное государство, которое возникло на Западе в послевоенные десятилетия и в дальнейшем подверглось разрушительной неолиберальной атаке.

В то же время нынешнее руководство страны старается теперь уйти от мелочного контроля над бизнесом, освобождая государство для решения ключевых задач развития, с одной стороны, и борьбы с коррупцией, с другой.

Задачей модернизации является синтез традиционного и современного, часто представленного зарубежным. Стоит заметить, что в пропорции между современным (частичный синоним – внешнее), переработанным современным и традиционным в Китае, пожалуй, преобладает *переработанное современное*. Более того, усилившиеся

различия между регионами делают проблему синтеза уже по большей части внутрикитайской.

В современном Китае политика во многом сохраняет примат над экономикой. Центр контролирует места с помощью меньшего числа более эффективных рычагов, оперативно реагируя на новые угрозы – внутренние и внешние. Можно сказать, что освоены современные технологии управления хозяйством и населением. «Капитализм» и «социализм» успешно перерабатываются Китаем, зачастую выступая сугубо в инструментальном виде¹³.

Высокую динамику развития правомерно считать признаком благополучного движения по пути модернизации, пропорциональности социальной и экономической структуры, особенно если сравнивать Китай с крупными развивающимися странами. Решены крупные внутренние проблемы, в том числе «основных нужд».

Вполне определёнными выглядят пути народного образования, генерации и заимствования технологий. В механизм развития встроена полнокровная система взаимодействия с остальным миром, контуры такого взаимодействия прояснились на достаточно длительную перспективу.

Поэтому модернизационная проблематика в обыкновенной для развивающихся стран постановке уже не актуальна и в значительной мере перешла в разряд сугубо внутренних вопросов. Десятилетия жёсткой экономии, структура хозяйства и цен, сложившаяся специализация и нынешний вес Китая в мировой экономике свидетельствуют в пользу возможности постепенного решения наиболее острых социальных, энергетических и экологических проблем.

Это не означает снятия указанной проблематики с текущей повестки дня. Но можно сказать, что КНР – страна, в какой-то степени маскирующая свой потенциал риторикой об остроте существующих проблем. Активирована оболочка системы, пока нет нужды использовать всю мощь культурно-генетического кода (институциональной матрицы – по С.Г. Кирдиной и Л.И. Кондрашовой) или, если угодно, «цивилизационного ядра». К тому же есть стандартные структурные и мобилизационные ресурсы: низкая доля сферы услуг, высокая доля женской занятости, мощная внешнеэкономическая машина, финансовая записка, государственные СМИ и т.д.

В социально-экономической политике функциональный подход явно преобладает над «институтостроением», а область свободы личности расширяется по мере роста возможностей государства и ресурсов его социальной политики. Руководство страной – коллегиальное, представления о наличии в Китае «леваков» и «либералов», возможно, существенно искажают действительную расстановку сил и механизм работы высшего управленческого звена.

Выстроена политическая система «нового авторитаризма». Она подробно описана А.В. Виноградовым, остановимся только на двух моментах. В Китае в настоящее время в управлении страной, так или иначе, участвуют три руководителя, включая двух бывших председателей КНР. А весьма популярный Бо Силай, хотя и отстранён, но может рассматриваться как «крестьянский вождь» на самый крайний, пожарный случай: утраты властью «мандата неба». Ох уж эти предусмотрительные китайцы...

2. От практики к теориям

Быть проще и точнее

В целом Китай нельзя охарактеризовать ни одним из принятых в современных классификациях стран термином. Не подходят (или подходят лишь частично) к этой стране этикетки: «развитая», «новоиндустриальная», «переходная», «развивающаяся». Особое отвращение вызывает приложение к КНР выражения «формирующийся рынок».

Возможно, по этой причине есть смысл принять Китай по официально заявленному качеству – как страну рыночного социализма (на его начальной стадии), тем более что в социалистическом качестве она, повторим, числится и в документах самой ВТО. Стоит также признать низкую вероятность замены этого определения какой-либо общечеловеческой или иной западной доктриной и даже конфуцианством. При этом отдельные западные «теории» (свободы торговли, социальной стратификации) имеют перспективу утвердиться в тактическом арсенале Пекина. Стоит заметить и весьма спокойное, если не сказать ироничное, отношение КНР к попыткам её классифицировать, внешнему «имиджу» – предмету неустанных забот гайдаризма.

Нужно ли нам слово «цивилизация» для объяснения причин китайского подъёма? Не уверены. Как мы попытались показать, подъём этого мегагосударства базировался на универсальных и, в том числе методических, основаниях, хорошо известных всякому человеку, родившемуся в СССР или КНР. Это исторический материализм, дополненный практическим ленинизмом¹⁴ Дэн Сяопина. Разумеется, не помешало и многое действительно полезное, наработанное на Западе и Востоке.

Добавим, что измерения «цивилизационного» в основном производятся разномастными обществоведами за рубежами Китая. Во многом эти интеллектуальные искания направлены на выявление некой особой идеальной субстанции – «китайского предпринимательского (трудолюбивого) духа», наподобие «протестантской этики». Смехотворность подобного подхода к эмпирическому (натурфилософскому) в своей древней основе Китаю уже была показана А.И. Кобзевым.

Смущает и деление мира на отдельные «цивилизации», занявшее многие умы в XXI веке. Раньше как-то неплохо обходились «мировой цивилизацией» и национальными культурами. Как реакция на практические неудачи в модернизации и глобализации отдельных стран «цивилизационный дискурс» вполне объясним, равно как и желание защититься от культурной и информационной экспансии Запада. Но это реакция оборонительная, консервативная (что неплохо), но грозящая фундаментализмом и расставанием с наукой (что нехорошо).

Хорошие абстракции и чёткие научные определения имеют свойство облегчать существование человечества. Но из этого не следует, что введение категории «цивилизации» (во множественном числе), ставшее особенно популярной после работы С. Хантингтона, является необходимым для анализа социально-экономического развития и особенно международных отношений.

Работа с «цивилизациями» в означенной сфере таит не только теоретические опасности, вытекающие из принципа экономии мышления¹⁵. Во-первых, есть политическая опасность избыточного применения цивилизационного подхода. Представляя мир в качестве совокупности «цивилизаций» – китайской, индийской, западноевропейской, американской, российской, – мы рискуем. Можно не заметить в этой совокупности отдельные страны – из-за неопределённости их «цивилизационного» положения, небольшого размера, смешанности существующих в них культур, этносов и т.п. Во-вторых, вводя в политический оборот термин «цивилизации», мы, помимо прочего, сами подрываем основы деятельности ООН, в основных документах которой этого термина, к счастью, пока нет.

В результате необыкновенно оживились чайные самобытники, незалежники и многопудовые городские казаки, способные одним весом переломить хребет владимирскому тяжеловозу. Повсюду «национальные миры» с барынями-патриотками.

В какой-то мере С. Хантингтон нас «купил», заставив копаться в этно-культурном, а также «духовном и возвышенном». А ведь естественнее было задать простой вопрос о том, кто выигрывает от монополярного мира, и организовать коллективное сопротивление зарвавшемуся гегемону в политике, экономике и информационной сфере.

Но Поднебесная справилась с решением этой задачи практически в одиночку, разумеется, отчаянно маневрируя и используя, в том числе, и «цивилизационную» риторику для упрочения отношений с незападными странами. Знамя Китая не упало, а после обидной для гегемона документальной фиксации долга правительства США по обязательствам Фанни Мэй и Фредди Мак случилась агрессия держав в Ливии (2011). Пекин в ответ перешёл в контрнаступление, обозначив новую биполярность в становящемся полицентричном мире¹⁶.

В Китае не дали себя запутать модной фразеологической шелухой¹⁷. Интересен, например, китайский термин «культурная безопасность», заведённый в качестве инструмента противодействия неблагоприятному внешнему воздействию. Его китайские международники иронично уподобляют малограмотной формуле «национальная (европейская) идентичность», распространённой в Старом свете.

В Китае с давних времён власть очень выручает точные и ёмкие формулировки политических установок. «Политика – командная сила», «винтовка рождает власть», «одна страна – две системы», «расставаясь с земледелием – не расставаться с деревней», «импортом вскармливать экспорт». Они яркие и простые.

Как агитки Маяковского:

Я
поэзии
одну разрешаю форму:
краткость,
точность математических формул.

Нужна ли Китаю «национальная идея»? Вопрос необыкновенно интересный.

Любой претендующей на полноту доктрине необходима своя мечта (утопия), роль которой в западном миропонимании в последние сорок лет прекрасно выполнило представление о постиндустриальном мире из работы Д. Белла, естественно, в дальнейшем вульгаризированное. О поразительном сходстве постиндустриального творца с новым человеком из Программы КПСС одному из нас как-то довелось писать в НГ, разбирая взгляды В. Иноземцева. Теперь же, десятилетие спустя, «условско-гарвардский» схематизм («платонизм»), изображённый Н. Талевым в «Чёрном лебеде», похоже, окончательно побеждён и теоретически, и практически.

И уже, казалось бы, можно повсеместно ставить памятники Дэн Сяопину и возвести китайский здравый эмпиризм в ранг мировой идеологии будущего. Тем более что и предыдущий руководитель КНР Ху Цзиньтао отметился в мировой истории и уставе КПК как автор «научной теории развития».

Но что это: новый лидер Китая Си Цзиньпин объявляет о китайской мечте. Очередная утопия?

Думаем, что всё сложнее. Поднебесная, внимательно наблюдая за внешним миром, всё более укрепляется в ощущении собственной полноценности и уже готова внести конкретный идейный и, что важно, практический вклад в развитие мировой цивилизации, заплывавшей в последние десятилетия в дебрях неолиберализма, постмодернизма, гайдаризмов¹⁸ и т.п.

Отчасти в этом пункте как раз и заключён, на наш взгляд, действительный узел противоречий между Пекином и Западом. Заземлённый на практику «коммунистический Китай» (о чём ныне угождающий Пекину Запад быстренько позабыл) выглядит теперь гораздо менее индоктринированным обществом, чем «свободный Запад» с его остатками глобальных моральных претензий. Наглой клоунадой выглядят, например, бомбардировки Ливии, едва покинутой китайской китайскими строителями, с последующим обращением «гуманных» европейских лидеров к Пекину с просьбами дать взаимы. Противоречат духу глобального мира и здравому смыслу многочисленные ограничения на инвестиции китайских компаний в экономику развитых стран. Станными выглядят обвинения Пекина в проведении «колониальной» политики в Африке, где до сих пор топчутся забытые прессой французские легионеры и т.п.

Парадокс нынешнего исторического момента ещё и в том, что, если на Западе сложившуюся экономическую систему всё чаще атакуют слева, то Китай «критикует» Запад коммерчески – покупкой (непокупкой) или продажей госдолгов развитых стран, апелляциями к нормам ВТО и т.п. И в то же время неблагоприятным частям планеты оказывается немалое содействие. Чего стоит одно только возвращение Африки, ставшей крупным получателем китайской экономической помощи, из «забытого» континента к активной политической игре на интересах внешних игроков. Не менее значимо недавнее предложение 300-миллиардного пакета инфраструктурного содействия Индии. А к 2020 году компания Бэйдоу собирается *бесплатно* предоставлять всем заинтересованным странам услуги глобального позиционирования.

Заметим, что одним из первых выражение «китайская мечта» применил член палаты лордов Нат Вэй – третий из хуацяо, получивших этот почётный титул за работу в сфере социального предпринимательства. Он, помимо прочего, указывал на немалую дискриминацию китайцев в Альбионе. Возможно, мечта ориентирована и на более широкую – уже не только внутрикитайскую аудиторию.

Тем более, что ситуация в отношениях с диаспорой необыкновенно быстро меняется в пользу Пекина (этому очень способствовала агрессия Запада в Ливии). Данный сдвиг зафиксирован весной 2012 года: лидерам диаспоры указали на необходимость участия во внутриполитической жизни стран проживания.

Фактически в эти годы был отчасти пересмотрен один из заветов Дэн Сяопина: «не высовываться», «держаться скромно», «не поднимать флага». Заметим, что некоторые ветераны китайской дипломатии были не вполне согласны с обновлённым подходом, дискуссии на сей счёт продолжились¹⁹.

Но нам расставание с практиком Дэном кажется глубоко символическим: Китай, наконец, приглашает планету разделить с ним **теоретическое обобщение** своего подъёма²⁰. И делится маленькими практическими секретами – с теми, кто готов их увидеть²¹.

Подсказки мировой цивилизации

Мы не верим своим глазам:
Шаолинь это или базар?
А торгует в священных стенах
Неспортивного вида монах²².

По не вполне проверенным данным, зарубежные «дочки» Шаолинского монастыря (в самых разных отраслях бизнеса) ныне стоят не менее 10 млрд. долл. Мир тем временем продолжают наводнять фэншуисты, иглотерапевты, китайские повара, в немалой своей части – проходимцы и шарлатаны и частенько – не из Китая. Такое уж время – китайское теперь в моде.

С другой стороны, на кое-каких китайских сайтах можно совершенно бесплатно скачать новейший софт и антивирусы.

От коммерческого нашествия самого разного по качеству китайского продукта, в изобилии представленного в рыночном море гигантского хозяйства, нужно отличать те путеводные созвездия, которые служат ориентиром для других.

Уже многим полюбившийся «Пекинский консенсус» давно стал щитом и мечом в отражении происков МВФ, ВТО и прочих неокOLONIALISTОВ. Китай же на всякий случай потихоньку усиливает своё влияние и в этих структурах, выдвигая, в том числе, и разного рода альтернативы – международных банков развития (в ШОС, БРИКС, Азии).

Но не многие видят внешнеэкономическую основу «консенсуса». КНР – в противовес убогим сравнительным преимуществам М. Портера и постоянно нарушаемому принципу наибольшего благоприятствования ВТО – показала пример здорового протекционизма («защищать отечественного производителя, не защищая отечественной отсталости»), т.е. самостоятельного и творческого подхода, позволяющего целенаправленно формировать будущую роль страны в мировой экономике. Такой подход даёт другим развивающимся государствам надежду на установление более демократичной и справедливой, чем ныне, системы международного разделения труда. Одним из практических путей к её созданию может быть расширение взаимовыгодного сотрудничества с КНР, включая производственную кооперацию, инвестиции, научно-техническую сферу, образование, а также кооперацию в области идеального, включая общественные науки.

Китай, заметим, уже давно прилагает значительные усилия к преимущественному развитию связей с соседними странами (и приватно критикуя за невнимание к ним Россию). Воплощается в жизнь формула «хороший сосед важнее, чем дальний родственник» – в противовес традиционному геополитическому постулату «враг моего соседа – мой друг».

Перед российскими экономистами и китаеоведами теперь стоит актуальнейшая задача проецирования того взгляда на национальную и мировую экономику, который сложился в Китае в годы реформ и модернизации. Этот взгляд, уточняясь в быстро меняющихся обстоятельствах наших дней, так или иначе, проявляется и в политике регулирующих органов, и в коммерческой практике, и в работах китайских учёных-обществоведов, которые мало кто серьёзно знает.

Важная характеристика современного китайского взгляда на мир при традиционно присущей представителям этой страны конкретности в делах заключается в довольно широком, даже смелом, и при этом комплексном подходе к возникающим проблемам²³, что, помимо прочего, базируется на умении координировать действия государства и бизнеса – чего, к сожалению, так не хватает в нашей стране.

Легко предположить, что китайский взгляд на хозяйство, в котором явственно преобладает предпочтение реальному сектору, осязаемой, физической экономике, а не финансовым рейтингам и стандартным индикаторам инвестиционного климата, будет играть всё более важную роль и в оценках российской действительности, её перспектив с точки зрения инвесторов – и не только из Китая. Безусловно, что на повышение рейтинга нашей страны в меняющейся системе координат благоприятное воздействие окажут те черты её политики, которые будут близки и понятны китайским регуляторам, финансистам и бизнесменам.

Не перечислять полезных наработок китайских экономистов.

При этом необходимость государства в современном Китае не оспаривается, а роль служит предметом оживлённых дискуссий. Китаец-робинзон по-прежнему раз в неделю пишет доклады о землеустройстве начальнику острова и сам же их раз в неделю рассматривает. Жизнь в Поднебесной идёт своим чередом.

Не скроем: ослабление государства в других странах было одной из внешних причин китайского подъёма. А недружелюбное давление извне и сейчас удобно при управлении страной. Решение же внутренних проблем за счёт внешних факторов ещё менее возможно, чем раньше.

Мы не исключаем возможности кризисов в Китае. Но у КНР есть важнейший ресурс: рассматривая землю и ренту как общественное

(государственное) достояние, легче запускать программы предупреждения и смягчения кризисов. Регулируя арендные и процентные ставки, государству легче решить проблему накопления, обеспечивая хозяйство растущим притоком сбережений и капитала.

Похожие преимущества обеспечивает «распространительный» подход к знаниям, технологии и интеллектуальной собственности. Современный Китай выглядит как принципиально антифеодальное, по-настоящему предпринимательское общество, особенно на фоне увлечения добычей ренты (в том числе военно-политической, торговой, информационной, фирменно-геральдической), распространившегося у немалой части остального человечества.

В то же время традиции и институты выживания (клан, землячество, уравниловка, национализм), окрепшие в жесточайших условиях последних двух-трёх веков, сейчас служат важным способом конкурентной борьбы, а относительный недостаток ресурсов не даёт сползти в неофеодализм.

«Китай сохранил в принципе возможности и механизмы перехода к мобилизационной экономике, обладая также огромным внутренним рынком. В силу этого он лучше других подготовлен к грядущему периоду хаотизации и имеет весьма реальные шансы оказаться наверху новой мировой иерархии», – отмечает А.И. Неклесса (1996).

С этим положением во многом стоит согласиться. Быть может, не нужно лишь переоценивать интерес современного Китая к краху Запада и верхней позиции в мировой иерархии. Нам не кажется навязным принять за чистую монету официальную установку Пекина: «КНР не стремится к гегемонии». Она органично входит в представление о полицентричности (*неиерархичности*) мира и может быть частью выводов о чрезмерной цене сверхдержавности, безусловно сделанных в Пекине из наблюдений за послевоенными международными отношениями.

Мы уже писали о промышленности как ведущей силе китайского подъёма. Поэтому любителям технопарков и прорывов в постиндустриальность, коих теперь на планете великое множество, не вредно перечитать фразу Ли Цзинвэня: «Информатизация может лишь ускорить процесс индустриализации, но не в состоянии заменить его». По совету этого и других учёных-экономистов, народные сбережения были в начале века брошены в инфраструктурные проекты, беспрецедентные в мировой истории.

На повестке дня в России – замещение импорта. Похожие программы (решоринг, инсорсинг) форсируются и в других странах.

Учитывая нашу девственность в этом вопросе, возможно, стоит вспомнить, что осуществление замещения импорта в КНР обычно

выливалось в два варианта, хорошо известных также из практики Южной Кореи и Тайваня. Первый начинался «с головы», то есть предусматривал постепенное расширение сначала мощностей, производящих отдельные узлы, затем – детали и элементы, наконец, полуфабрикаты и сырьё. Недостаток такой стратегии – значительные затраты на начальных этапах из-за высокой стоимости импорта компонентов для сборки. Второй путь начинался «с хвоста», то есть старт какому-либо проекту давал ввоз оборудования для производства сырья, далее – компонентов и т.д.

Не худо вспомнить и одну из важных установок третьего пленума ЦК КПК двенадцатого созыва: «Расширение связей с внешним миром предполагает ещё большее расширение взаимосвязей между различными районами внутри страны»²⁴.

КНР учла теоретические наработки других стран (в том числе восточноевропейских), актуально адаптировав их к ситуации аграрного перенаселения – более типичной для современного мира и давно забытой теорией в развитых странах.

Способность КНР внести вклад в будущее человечества, вероятно, можно связать со «срединным» положением на шкале мирового благосостояния, опытом успешной экономической политики в деревне, созданием адекватных (подходящих, «промежуточных») технологий. Китай лучше других готов к реализации моделей разумного потребления, проектов «мировой деревни», возвращения к земле. Это не почвенность, а скорее планетарность.

Кстати, с теоретической точки зрения и агросфера, и внешняя торговля зачастую выступают как носители второго из выделенных Н.Д. Кондратьевым типов экономического поведения: минимизации затрат (первый – максимизация результата). Для обеих сфер стандартна ситуация количественно ограниченного сбыта, чрезмерности усилий, которые приходится прикладывать для его расширения и одновременно – существования альтернативной возможности непосредственно удовлетворить потребности путём самообеспечения.

Не стоит сбрасывать со счетов и универсализм крестьянского взгляда на мир – в противоположность (дополнение) к узкопрофессиональному – городскому. Не забудем привычку к разумному ограничению трудовых затрат и потребностей²⁵ – то, что в конфуцианском мире называют *сяокан*. С сохранением этого взгляда, возможно, следует связывать и успехи, и будущий вклад Китая в действительное благоустройство планеты – не только как промышленного, постиндустриального и агропромышленного, а как рационально-экономного и потому ещё и экологичного мира²⁶.

Нынешнее китайское крестьянство уже не то, что в начале реформ. Оно в ряде случаев оказывается современной горожан, если иметь в виду хозяйственную психологию, некоторые аспекты которой измеряются имеющимися методами. Так, в исследовании известного социолога А. Инкелеса и его коллег, предметом был индивидуальный уровень модернизованности сознания. Выяснилось, что жители сельских районов в Китае (окрестности Тяньцзиня) существенно превосходят горожан по пониманию своей социально-экономической роли (личной эффективности), склонности к продолжению образования, способности к долгосрочному планированию хозяйственной деятельности, умению использовать в работе технические достижения, заботе об окружающей среде и т.д.

В связи с возрождением традиций в Китае, как и в других странах Азии, уместно вспомнить и слова американского синоведа Р. Мэрфи. Он, в частности, писал: «В Китае не существовало такого разрыва между городским и сельским мирами, который оформился на Западе; в традиционном Китае не было места для презиравшегося Марксом „идиотизма сельской жизни“... там не было очернения сельских обстоятельств и ценностей, наоборот, многие горожане тосковали по деревне, куда они периодически возвращались и где селились на склоне лет». Дауншифтинг – это по-современному и, не исключено, что превращение людей в хилых урбаноидов, сидящих перед экранами по 20 часов в сутки, ещё можно предотвратить.

Региональное в политике КНР имеет преимущество перед глобальным, ближнее перед дальним, двустороннее перед многосторонним, поэтому потенциал конфликтов и сотрудничества Китая с другими народами не одинаков. С Западом диалог ведётся на сугубо формальной основе и зависит от соотношения сил и интересов. Богаче спектр отношений с периферией, полупериферией, соседними государствами – здесь есть как особые связи, так и коллективные позиции и действия.

Мы далеки от пропаганды китайской «модели» как образца для России. То, что нам следование западным рецептам не очень помогло, не означает готовности к китайскому *пути* (именно пути, а не модели) – модельность и схематизм как раз больше характерны для словеско-гарвардского миропонимания и больше для его адептов, чем самих носителей. А этот путь теперь включает ещё и очень разные по достатку и профилю китайские регионы. Они существенно различаются, в том числе по стадии перехода от преимущественно индустриальной к сервисной экономике. Возможно, именно Северо-Восток Китая окажется для России наиболее ценным партнёром: во-первых, он рядом, а во-вторых, умеет признать у регионов-лидеров.

Да, Китай ещё много уступает развитым странам по шкале индивидуального благосостояния. Однако лидер определяется, на наш взгляд, не только по абсолютным и относительным макропоказателям. Помимо прочего, лидерство подразумевает ясность целей и средств их достижения, способность успешно преодолевать сложившиеся стереотипы. Страна-лидер должна суметь показать другим новые ориентиры, её отличает видение перспективы. И чтобы не терять силы духа перед хаосом нынешним и грядущим нужно ещё раз присмотреться к Китаю.

Перед нами системный игрок в несистемном мире.

Примечания

¹ <http://www.globaltimes.cn/content/860309.shtml>

² Другим таким событием стал валютно-финансовый кризис в Азии, начавшийся через четыре дня.

³ Примерно то же самое сделал Ленин, повернув к НЭПу.

⁴ Отметим ещё один очень существенный пункт в указанном повороте или решительном изменении политики. Она с конца 70-х годов, наконец-то, стала более адекватно отражать интересы самого многочисленного общественного класса – крестьянства. Государство обрело опору в массовом социально-экономическом укладе, сделав первый шаг к развитию демократии снизу.

⁵ В китайском опыте привлекает ещё и последовательное перенесение центра тяжести реформ с сельского хозяйства на промышленность и лишь затем – сферу финансовых услуг и постиндустриальную экономику. Промышленность пока остаётся ведущей силой хозяйства. Между тем в начале-середине нулевых годов многие аналитики, не вполне, как выясняется, обоснованно, полагали, что «индустриально-облегчённая» Индия, раньше других приобщившаяся к постиндустриальным технологиям, имеет немалые преимущества перед Китаем. См., например: *Economic Reform In China And India: Development Experience In A Comparative Perspective*. Joseph C.H. Chai, Kartik C. Roy. Northampton, MA: Edward Elgar, 2006.

⁶ Важно также понимать, что отношение крестьянства к рынку носит двойственный характер. Помимо прочего, китайское крестьянство исторически прошло через опыт двойной эксплуатации рынком: оно несло потери сначала при продаже урожая, а затем при приобретении продовольствия, семян и пр. Крестьянину рынок выгоден, если, помимо прочего, есть регулирование, обеспечивается относительная стабильность цен, позволяющих рассчитать посев, урожай, затраты на средства производства и т.д. Важно и другое – масштабы воздействия аграрной сферы Китая на всю совокупность материальных условий и политики в этой стране, формирование национальной психологии. Не случайно один из весьма квалифицированных американских международных Д. Шамбо предпринял в середине 90-х годов крупное и длительное политологическое исследование именно в китайской деревне. Среди тогдашних наблюдений этого специалиста стоит отметить вывод о

постепенности в решении проблем, склонности к стабильности и миролюбии как традиционных свойствах крестьянского менталитета, перекочевавших во внешнюю политику Китая. В последние годы Д. Шамбо, впрочем, выступает неутомимым и пристрастным критиком Пекина и одним из апологетов сдерживания Китая.

⁷ Именно в 1980-е годы закладывался фундамент той первоклассной информационно-аналитической базы, которой теперь располагает Китай. Уже тогда, в частности, осуществлялся огромный объём переводческой работы. И раз уже мы заговорили о цивилизации, то заметим, что у К. Кокера, автора книги «Сумерки Запада», цивилизация находится там, где «идёт перевод культур».

⁸ В документах состоявшегося в 2007 году XVII съезда КПК содержались, в частности, такие выражения: «совершенствование планирования и промышленной политики», «усиление финансового контроля», «оптимизация структуры рынка капиталов», «более строгий допуск на рынок инвестиций».

⁹ Китайская деревня, несмотря на огромный отток рабочей силы, остаётся «живой», в ней, в частности, продолжает расти энергопотребление.

¹⁰ Подробнее см.: *Салицкий А.И., Тацый В.В.* Китайский опыт развития: сравнительные аспекты и значение / «Третий мир»: спустя полстолетия. Отв. ред. *В.Г. Хорос, Д.Б. Мальшева.* М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 215–229.

¹¹ Про экономику рисков в своё время писал Маркс: «...издержки, которых требует ведение предприятия, применяющего впервые новые изобретения, всегда значительно больше, чем издержки более поздних предприятий, возникших на его развалинах, ex suis ossibus (на его костях). Этот момент настолько значителен, что предприниматели-пионеры в своём большинстве терпят банкротство, и процветают лишь их последователи». Ценное методическое замечание применимо и к нациям: будущие (и всегда временные) чемпионы нередко приходят на полуготовое. На чужие (чужие ли в глобальном мире?) разработки и недоделки.

¹² Здесь уместно вспомнить диалектичное представление о собственности у китайских крестьян, описанное Фэй Сяотуном, отнесение акционерной собственности к разновидности общественной (вслед за Марксом) и т.д.

¹³ Но это не значит отказа от марксизма, который пришёлся в Китае по вкусу не только историческим материализмом и практическим подходом, но и цельностью конструкции, по достоинству оцененной Й. Шумпетером (1945) – бывшим при этом блестящим критиком теории стоимости Маркса. Заметим, что в традиционном Китае цельность очень ценилась. Считалось, что теория и практика управления государством, политика, экономика, военное дело базировались на тех же принципах, что и живопись, стихосложение.

¹⁴ Ленин, конечно же, не сводим к практике. Листая доклад наших коллег, ругающих эпоху Просвещения за несоответствие задачам сегодняшней современности, а основоположников марксизма за механицизм, видим следующий пассаж: «Этносоциокультурная характеристика общества, это аналитическая категория, построенная на основе синтеза изучения как объективно существующих политэкономических, социальных, политических отношений, геополитических факторов, так и субъективного их отражения

индивидуальным и общественным сознанием, а также воззрений, традиций и нравов, определяющих личностное и коллективное поведение индивидов» (*Гонтмахер Е.Ш., Загладин Н.В.* Тренды мирового социально-политического развития в условиях кризиса. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 22.). Всё-таки живо ленинское определение материи, если судить по лексике – «категория», «объективно существующих», «отражение»! Искать же смысл в этом пассаже, конечно, не обязательно. Уж лучше «цивилизационный», чем «этносоциокультурный».

¹⁵ Словарь толкует *вэньмин* ещё как «культура» и «просвещённость». Но по сочетаниям, например *учжи вэньмин* (материальная культура), понятно, что без слова «цивилизация» можно прекрасно обойтись при строгом анализе явлений окружающего нас мира. Не думаю, что Сэм Хантингтон специально совершил интеллектуальную диверсию, но то, что российские гуманитарии were taken in «цивилизационным дискурсом», не подлежит никакому сомнению.

¹⁶ Подробнее см.: *Барский К.М., Салицкий А.И.* Полицентризм современного мира и новая биполярность как возможный сценарий глобального развития // Мир и политика. 2012. № 7 (70).

¹⁷ Китай, по меткому выражению Н.А. Косолапова, не охоч до лавров «теоретика» в чужом для себя современном дискурсе, хотя и им не брезгает – в тактических целях.

¹⁸ В гайдаризме Китай или игнорировался или объявлялся угрозой. Помнится легучка у Е. Яковлева в «Новой газете» в 1993 году с установкой: «про Китай или плохо или ничего». Эту установку до сих пор выдерживают многие российские СМИ.

¹⁹ Мнение Ян Вэньчана, президента Народного дипломатического института.

²⁰ В гайдаризме Китай обычно предстает тоталитарным реликтом, в лучшем случае – неизменно специфичным.

²¹ Поэтому «цивилизационное» (легко заменяемое на «культурное»), «специфически китайское» нужно и правомерно искать в области политики, попыток инструментального подхода к экономике и социальной сфере. «Цивилизационное» здесь отвечает на вопрос «как, каким образом?» и может быть обнаружено в области принципов, алгоритмов, ритуалов, церемоний, технологий (по Э.С. Кульпину).

²² *Кирилл Барский.* Душистые горы. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2010. С. 28.

²³ Любопытно, кстати, что примерно таким же образом Сунь Ят-сен в 20-е годы прошлого века характеризовал подход к делу у русских.

²⁴ Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1984.

²⁵ Здесь вполне уместно вспомнить и о двух типах экономического поведения у Н.Д. Кондратьева: максимизации результата и экономии затрат.

²⁶ *Салицкий А.И., Чеснокова С.В., Шахматов А.В.* Новая энергетика в индустриальной трансформации современного Китая // Вестник РАН. 2014. № 4. С. 453–458.